

*Огромная благодарность Клод Мандибиль —
прочитав эти страницы, вы поймете, что в их
написании она сыграла первостепенную роль.*

ПРОЛОГ

Молочно-белый свет за невзрачной полотняной шторой возвещает приближение утра. У меня болят пятки, голова как наковальня, и словно скафандр сжимает все тело. Моя палата потихоньку освобождается от мрака. Я разглядываю фотографии дорогих мне людей, детские рисунки, рекламные плакаты, маленького велосипедиста из жести, присланного накануне приятелем из Рубе, и кронштейн, нависающий над кроватью, в которой я вот уже полгода как обосновался, подобно раку-отшельнику.

Не надо много времени, чтобы сообразить, где я нахожусь, и вспомнить, что моя

жизнь резко опрокинулась в пятницу, 8 декабря прошлого года.

До тех пор мне никогда не доводилось слышать о мозговом стволе. В тот день я совершенно неожиданно обнаружил для себя эту основную деталь нашего бортового компьютера, непререкаемую связующую нить между мозгом и нервными окончаниями, когда сердечно-сосудистое нарушение вывело вышеупомянутый ствол из строя. Прежде это называли кровоизлиянием в мозг и от этого попросту умирали. Развитие реанимационных технологий усовершенствовало кару. Выжить можно, но при этом заполучишь то, что англосаксонская медицина и окрестила как раз *locked-in syndrome**: парализованный с головы до ног пациент замурован в собственном теле, он мыслит, но этого не видно, и единственным средством общения становится левый глаз, которым человек может моргать.

Разумеется, главное заинтересованное лицо последним было поставлено в известность о дарованной ему милости. Я получил право

* Бодрствующая кома. — (Здесь и далее примеч. перев.)

на двадцать дней комы и на несколько недель неопределенности, прежде чем действительно смог осознать размеры трагедии. Окончательно я очнулся лишь в конце января, в этой самой палате беркского Морского госпиталя, в окна которого сейчас проникают первые отблески зари.

Это самое обычное утро. Каждые четверть часа, начиная с семи утра, перезвон в часовой отмечает бег времени. После ночной передышки мои забитые бронхи снова начинают шумно работать. Руки, судорожно вцепившиеся в желтую простыню, причиняют мне боль, но при этом я даже не могу определить, горячие они или ледяные. Борясь с анкилозом, я пытаюсь потянуться, заставляя руки и ноги сдвинуться на несколько миллиметров. Зачастую этого довольно, чтобы принести облегчение измученным конечностям.

Скафандр становится менее гнетущим, и разум теперь может порхать как бабочка. Столько всего предстоит сделать. Можно воспарить в пространстве или во времени, отправиться на Огненную Землю или ко двору

царя Мидаса. Можно нанести визит любимой женщине, проскользнуть к ней и погладить ее еще сонное лицо. Можно строить воздушные замки, добывать Золотое руно, открывать Атлантиду, воплощать свои детские мечты и взрослые сны. Словом, отвлекаться, чтобы делать передышки. Но главное, мне надо сочинить начало этих путевых заметок неподвижного человека, чтобы быть готовым, когда посланец моего издателя придет записывать их под диктовку, буква за буквой. Мысленно я десять раз перемалываю каждую фразу, убираю слова, добавляю прилагательные и учу свой текст наизусть, параграф за параграфом.

Половина восьмого. Дежурная медсестра прерывает ход моих мыслей. Согласно заведенному порядку, она открывает шторы, проверяет трахеостому, капельницу и включает телевизор — скоро выпуск новостей. А пока мультфильм рассказывает историю самой проворной жабы Запада. Что, если мне выразить желание быть превращенным в жабу?

Н икогда в своей маленькой палате я не видел столько белых халатов. Медсестры, их помощники, кинезитерапевт, психолог, эрготерапевт, невропатолог, студенты-медики и даже сам руководитель отделения — словом, весь госпиталь собрался ради такого события. Когда они вошли, толкая какое-то сооружение к моей кровати, я было подумал, что явился новый постоялец. Помещенный в Берк несколько недель назад, я с каждым днем понемногу приближался к берегам сознания и все-таки понятия не имел, какая связь может существовать между инвалидным креслом и мной.

Никто ясно не обрисовал мне мое положение, и на основании случайно почерпнутых сведений я преисполнился уверенности, что очень скоро вновь обрету движение и речь. Мой блуждающий разум строил множество планов: путешествие, роман, театральная пьеса и появление в продаже фруктового коктейля моего изобретения. Не спрашивайте у меня рецепта — я его забыл.

Итак, они тотчас одели меня. «Это полезно для настроения», — назидательным тоном сказала невропатолог. И действительно, после госпитальной желтой нейлоновой сорочки я бы с удовольствием вновь облачился в клетчатую рубашку, старые брюки и бесформенный свитер, если бы не кошмар при надевании всего этого. После бесчисленных судорог одежду наконец натянули на дряблое, неповинующееся мне тело, которое лишь заставляло меня страдать.

После подготовки можно было приступить к ритуалу. Два типа схватили меня за ноги и плечи, приподняли с кровати и без особых церемоний водрузили в кресло. Из

просто больного я превратился в инвалида, подобно тому, как в корриде *novillero** сразу становится тореадором. Мне чуть не аплодировали. Меня прокатили по этажу, чтобы проверить, не вызывает ли сидячее положение судорог; я сидел смирно, пытаюсь осознать внезапную утрату моих перспектив на будущее. Осталось лишь подложить мне под шею специальную подушку, поскольку моя голова не держалась прямо — как у африканских женщин, с которых сняли пирамиду колец, вытягивающих им шею на протяжении многих лет. «Вы годитесь для кресла», — с улыбкой заявила эрготерапевт, пытаюсь придать своим словам видимость хорошей новости, в то время как для меня это являлось приговором. Я вдруг постиг ошеломляющую действительность, столь же потрясающую, как грибовидное облако атомного взрыва, и более острую, чем нож гильотины.

Все ушли, три санитаров снова уложили меня, и я подумал о тех гангстерах из детективных фильмов, выбивающихся из сил при

* *Novillero* (исп.) — начинающий матадор.

попытке засунуть в багажник своей машины труп докучавшего им человека, которого они только что прикончили. Инвалидное кресло осталось в углу, на его темно-синюю пластмассовую спинку была брошена моя одежда. Перед тем как исчез последний белый халат, я подал ему знак потихоньку включить телевизор. Шла передача «Цифры и буквы» — любимая передача моего отца. С самого утра по стеклам непрерывно стучал дождь.

МОЛИТВА

В конечном счете шок от инвалидного кресла был для меня благотворным. Все прояснилось. Я больше не строил фантастических планов и смог освободить от обета молчания своих друзей, которые после случившегося возводили вокруг меня заботливую преграду. Тема перестала быть запретной, и мы принялись обсуждать *locked-in syndrome*. Прежде всего, это редкость. Утешительного тут мало, но шансов угодить в эту дьявольскую ловушку столько же, сколько выиграть суперприз в лото. В Берке нас всего двое с такими симптомами, к тому же мой